

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. Ф. ДЕБЕЦ, М. Г. ЛЕВИН и Т. А. ТРОФИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА *

I. Общие вопросы

Та отрасль антропологии, которая занимается изучением сходства и различия, однородности или разнородности этнических групп по их физическому типу и которая теперь обычно называется у нас этнической антропологией, зародилась и развивалась в тесной связи с изучением проблем этногенеза. Уже одно это обстоятельство не только дает нам право, но и обязывает рассмотреть ту роль, которую должны играть антропологические данные при разработке этногенетических проблем в свете сталинского учения о нации и языке.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли перед антропологами, как и перед представителями других специальностей, новые возможности в освещении проблем этногенеза, показав полную несостоятельность так называемого «нового учения о языке», оказавшего вредное влияние и на работы части советских антропологов, которые безусловно должны нести известную долю ответственности за пропаганду учения Марра¹. Это учение будто бы «подтверждалось» антропологическими данными.

В действительности эти данные не давали, конечно, основания для опровержения взгляда на происхождение родственных языков от языкоосновы. И даже антропологи, считавшие теорию Марра прогрессивной, не могли этого не видеть. Г. Ф. Дебец² вынужден был признать, что «на антропологическом материале теорию праязыка, причинно не связанного с расой, нельзя ни доказать, ни опровергнуть».

* Доклад на совещании по методологии этногенетических исследований, 30 октября 1951 г.

¹ См. Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, Антропол. журн., 1932, № 1; его же, Так называемый «восточный великорусс», Антропол. журн., 1933, № 1—2; его же, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М., 1948; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. VII, М., 1949. Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию, Антропол. журн., 1934, № 1—2; Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, Антропол. журн., 1936, № 2. Об ошибках Н. Н. Чебоксарова в вопросах этногенеза финноугорских народов, сделанных им в работах 1948—1949 гг. под влиянием теории Марра, см. его доклад «К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы», публикуемый ниже, стр. 36—50.

² Г. Ф. Дебец, Расы, языки, культуры, Сборн. «Наука о расах и расизм», М., 1938, стр. 109.

Антропологические материалы подтверждали, конечно, правильность изреченного сталинского положения: «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»³. В таких случаях Н. Я. Марру совершенно неосновательно приписывались заслуги в «работке» этого положения. Антропологи, так или иначе следовавшие за Н. Я. Марром, видели эти заслуги в перенесении наблюдений над историей народов на историю их языков. Они оказались не в силах увидеть в учении Н. Я. Марра вульгаризацию и искажение четких и исчерпывающих сталинских положений.

Наиболее вредное влияние на развитие этнической антропологии оказала концепция происхождения родственных языков путем «социального схождения». Идя в этом отношении за Н. Я. Марром, его последователи в антропологии часто преждевременно прекращали работу над выяснением физических связей племен и народностей, говорящих на родственных языках. Тем самым роль антропологических данных в изучении проблем этногенеза искусственно снижалась, изучение этногенетических процессов отрывалось от фактической базы и подменялось искусственными схемами, в той или иной степени искажавшими действительную сущность этногенетических процессов.

Взгляды Н. Я. Марра и его последователей на распространение славянского языка по территории русской равнины, согласно которым это распространение рассматривалось как процесс языковой трансформации, отразились, например, на работах, касающихся антропологии восточных славян⁴. Антропологические данные о связях восточных славян с западными были предметом внимания в последнюю очередь, и о них говорилось вскользь, в то время как связи с неславянскими народами всячески подчеркивались, что приводило к одностороннему освещению многогранного процесса этногенеза русского народа. Проникновение типов западного происхождения на территорию русской равнины полностью, правда, не отрицалось, о чем мимоходом делались даже соответствующие оговорки⁵, а иногда и прямые указания, когда соответствующие выводы непосредственно диктовались фактами. Но само планирование антропологических исследований и публикаций сосредотачивалось главным образом вокруг тех групп русского народа, которые обнаруживали антропологическое сходство с народами финской семьи языков.

Непредубежденный читатель мог, правда, без особого труда истолковать эти данные как свидетельство ассимиляции финских языков славянским (древнерусским), но тенденциозный подбор фактов не мог, конечно, не снизить убедительности даже правильных частных выводов антропологической науки в глазах лингвистов и историков, не ослепленных учением Марра.

Следует также отметить ошибочное использование работ Марра в отношении тех или иных путей конкретных связей. Т. А. Трофимова⁶, установив исключительное сходство в типе черепов Балановского могильника и черепов древнего населения Закавказья и Передней Азии, пыталась подкрепить это наблюдение ссылками на фантастические марровские параллели в языке и наименовании чувашей с языком и наименованием шумеров. Так как подобные «параллели» можно найти у Марра по отношению к любым народам, то ссылка на его работы, конечно, не усиливала, а ослабляла аргументацию автора и ценность

³ И. В. Сталин, *Марксизм и национальный вопрос*, Соч., т. 2, стр. 293.

⁴ Г. Ф. Дебец, *Указ раб.*, а также: *К проблеме расового типа протофиннов*, Ученые записки МГУ, вып. 63, *Антропология*, 1941.

⁵ Г. Ф. Дебец, *Палеоантропология СССР*, стр. 287; Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья, *«Советская этнография»*, 1946, № 1.

⁶ Т. А. Трофимова, *К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры*, *«Советская этнография»*, 1949, № 3.

его наблюдений, сделанных вне всякой зависимости от марровского учения.

Надо, впрочем, сказать, что среди сторонников теории Марра усилия упомянутых выше антропологов осуществить «увязку» данных антропологии с «яфетической теорией» тоже не встретили сочувствия. В изданиях, находившихся в руках последователей «нового учения о языке», работы антропологов либо вовсе не упоминались, либо встречались резко враждебно, особенно тогда, когда совершенно очевидные факты заставляли антропологов признавать и устанавливать те или иные переселения племен и народностей⁷.

Дело в том, что светские антропологи в основном руководились не Марром, а непосредственно учением И. В. Сталина, согласно которому нации и народности сложились из различных рас и племен, поэтому основные выводы и достижения антропологической науки в СССР с теми или иными поправками сохраняют свое значение и на данном этапе изучения проблем этногенеза.

II. Соотношение антропологических типов с языковыми и этнографическими группами

Использование антропологического материала как исторического источника должно основываться на теоретической разработке соотношения антропологических типов с языковыми, культурными и этническими общностями.

В современной буржуазной антропологии в методологическом отношении существуют две основные трактовки этой проблемы.

1. Расистская: язык и культура — «душа расы».

Эта концепция отражает наиболее агрессивную идеологию империализма, в недалеком прошлом преимущественно германского, а ныне англо-американского. Это учение неоднократно подвергалось разбору и критике в трудах советских антропологов⁸.

2. Другая концепция представляет собой попытку буржуазных либералов отгородиться от звериной идеологии расизма. Путь, по которому обычно идут в этих случаях буржуазные либералы, ведет к агностицизму. Еще в 1900 г. С. Рейнак опубликовал в «L'Anthropologie» письмо, автор которого решительно заявлял: «раса и язык совершенно различные понятия, между которыми ни на один момент нельзя допустить ни тени сближения; обсуждение вопросов антропологии ни под каким видом не должно содержать ни одного слова, касающегося лингвистики, и наоборот».

Нетрудно видеть, что и этот подход неприемлем для советской антропологии, так как он отвергает пользу сотрудничества между разными областями знания и, конечно, не приближает, а отдаляет нас от познания истины.

Советские антропологи при использовании антропологического материала как исторического источника рассматривают расселение и смешение антропологических типов как следствие исторических процессов. Язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка.

⁷ Г. И. Петров, Рецензия на «Антропологический журнал» № 2 за 1932 г., «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1934, № 6; его же, Рецензия на статью А. И. Ярхо «Туркмены Хорезма и Северного Кавказа», «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1934, № 2.

⁸ Сборн. «Наука о расах и расизм», М., 1938; Я. Я. Рогинский, Фриц Ленд и расы, «Антропод. журн.», 1934, № 3; М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров, Англо-американский расизм, «Советская этнография», 1949, № 1.

Встречающиеся в антропологических работах выражения, вроде: «расселение монголоидов» или «смешение европеоидов с негроидами» — являются «техническими» выражениями специальной литературы. Если они и допустимы, то только для краткости. Никогда не следует забывать об их условном значении, так как в действительности подобного рода явления представляют собой лишь отражение в антропологических особенностях переселений и смешений племен, народностей и наций, т. е. исторических, а не антропологических общностей. Поэтому в тех случаях, когда антропологические данные указывают на распространение того или иного антропологического типа, перед историками и археологами, этнографами и лингвистами встает задача выяснения исторических условий, вызвавших это распространение, а также тех историко-культурных и языковых явлений, которые были с ним связаны.

Этот тезис является основным для теоретической разработки проблем этногенеза на антропологическом материале. В той или иной форме этот тезис уже излагался в советской антропологической литературе, но не получил дальнейшего развития. Совершенно несомненно, что теория Марра являлась для этого самой серьезной помехой. Дело в том, что успешная разработка данного тезиса исходит из предпосылки, согласно которой образование любого антропологического типа не может быть понято без изучения тех исторически складывающихся человеческих общностей, в которых формируются антропологические типы. Следовательно, антрополог обязан сопоставлять свои данные с данными археологии и языкознания, этнографии и истории о разных формах этнической общности людей, воплощенных в конкретных культурных и языковых группировках. А сторонники теории Марра как раз и не изучали этих группировок, высокомерно третируя попытки их выявления как влияние различных форм буржуазной идеологии. Поэтому антропологические исследования в лучшем случае должны были опираться на классификации буржуазных языковедов в том виде, в каком они были изложены десятки лет назад, без учета новых достижений языкознания. У последователей «нового учения о языке» этих достижений и не было, а труды лингвистов, в той или иной мере отходивших от позиций Марра, оставались в условиях арапкеевского режима в большинстве случаев неопубликованными. Поэтому все попытки найти те общественные группировки человечества, на базе которых складывались антропологические типы, обычно тонули в «яфетической» путанице.

Только теперь, после того как труды И. В. Сталина вывели советское языкознание из тупика, советские антропологи имеют возможность действительно участвовать в коллективной разработке этногенетических проблем. Последовательная и непримиримая борьба с расистской фальсификацией исторического процесса не должна приводить к агностическому отрицанию пользы сотрудничества антропологии с языкознанием, этнографией, археологией и историей.

Роль антропологических данных в изучении процессов этногенеза была бы минимальной или даже сводилась бы к нулю, если бы исторические науки и языкознание имели все данные для освещения всех сторон и этапов этногенеза всех народов. Но так как пробелы в материалах этих областей знания еще весьма значительны, то результаты антропологических исследований могут иногда указывать и действительно указывают путь, по которому должны идти исследования языковедов, этнографов и археологов.

Значение антропологических материалов в общем возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов. Исторические события последних столетий не должны, конечно, ускользать от внимания антропологов. Во-первых, они ведут не к меньшим изменениям антропологического состава населения, чем переселения доисторических эпох. Ясно, например, что отличия антропологиче-

ского типа ительменов и береговых коряков Камчатки в значительной мере обуславливаются тем, что в состав ительменов вошло гораздо большее число потомков русских переселенцев XVIII и XIX вв., чем в состав коряков. Недостаточное внимание к историческим событиям последних столетий и даже десятилетий может быть источником ошибок и заблуждений в интерпретации антропологических данных. Во-вторых, недавние исторические события обычно хорошо известны во всех своих деталях и позволяют точнее выяснять характер их отражения в антропологическом составе населения. Это имеет, конечно, большое методическое значение для уточнения теоретических предпосылок использования антропологического материала при разработке этногенетических проблем. Сами же по себе исторические события, достаточно подробно освещенные письменными и иными источниками, обычно не нуждаются, повторяем, в изучении их на основе антропологических данных.

Но чем дальше от современности, тем, в общем, бóльшую роль начинают играть результаты антропологических исследований. Уже по отношению к процессам этногенеза, происходившим в условиях рабовладельческого и феодального строя, антропология играет роль важной вспомогательной дисциплины. Напомним хотя бы роль антропологических данных в критических замечаниях Д. Н. Анучина о славянской теории происхождения гуннов⁹. Еще больше примеров успешного использования антропологических данных для изучения этногенетических процессов сравнительно поздних эпох имеется в советской антропологической литературе. Н. Н. Чебоксаров¹⁰ широко использовал свои антропологические наблюдения для критики распространенной теории о формировании коми-зырян в результате переселения с Камы на Вычегду и Мезень. Распространенный в бассейне Мезени беломорский вариант, характеризующийся очень светлой пигментацией волос и глаз, сравнительно высоким ростом и мезокефалией, не мог проникнуть в занимаемую им область из бассейна Камы, где преобладает более низкорослый, скорее брахикефальный и темноволосый тип. Антропологические данные свидетельствуют, что в процессе формирования народов коми имел место скорее обратный процесс расселения носителей светлых европеоидных типов на Каму.

По отношению к более древним эпохам, не освещенным письменными источниками, роль антропологических данных еще более возрастает. В трудах советских археологов, касающихся древнейшей истории народов Сибири, значительно лучше изученной в палеантропологическом отношении, чем другие части нашей страны, ссылки на антропологические данные представляют собой обычное явление, наглядно свидетельствуя о плодотворности контакта различных областей знания¹¹.

Некоторые стороны исторического процесса были впервые освещены именно антропологическими данными. Приведем несколько примеров.

Т. А. Трофимова¹², исследовав черепа Луговского могильника ананьинской культуры, установила, что в нем преобладают черепа выражено монголоидного облика. Это ясно указывало на связи с Зауральем, притом только с лесной и лесостепной его полосой. Свидетельство антропологии было настолько определено, что оно вошло в качестве твердого положения в число основных фактов, используемых для изучения вопроса о происхождении ананьинской культуры. С тех пор не

⁹ «Труды V Археол. съезда», М., 1887; «Труды Этногр. отд. Об-ва любителей естествозн., антропол. и этнографии», т. VII, 1886.

¹⁰ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2.

¹¹ См., напр., С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949; А. П. Окладников, История Якутии, т. 1, Якутск, 1949.

¹² Т. А. Трофимова, Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ. вып. 63, Антропология, М., 1941.

было и не могло быть ни одной работы по этому вопросу, так или иначе не опиравшейся на результаты антропологического исследования¹³.

Е. В. Жиров¹⁴ также установил наличие монголоидной примеси в составе неолитического населения Карелии, оставившего могильник на Южном Оленьем острове (Онежское озеро). В сопоставлении с данными по антропологии современного населения европейского Севера этот факт также послужил твердым основанием для заключения об участии племен сибирского происхождения в заселении человеком этой территории. Антропологи категорически поставили перед археологами задачу поисков культурных влияний, шедших с востока, исходя из выказанного выше положения о наличии исторических причин в каждом переселении людей. И соответствующие археологические факты были найдены¹⁵, хотя и теперь еще данные антропологии в этом вопросе являются самыми обоснованными и наиболее существенными, не допуская иного объяснения, кроме того, которое было дано Е. В. Жировым.

Выходя за пределы нашей территории, следует отметить первостепенное значение антропологических данных в проблеме путей первоначального заселения Америки. Мы можем категорически утверждать, что предки коренного населения обеих Америк до огнеземельцев включительно некогда переселялись туда из Азии через область Берингова пролива. Можно еще спорить о том, был ли этот путь единственным. Но нет сомнения в том, что он был основным. Можно, конечно, спорить о том, насколько важно для науки установление этого факта. Но нет сомнения в том, что он устанавливается главным образом, даже почти исключительно, на основе антропологических данных. В языках народов Америки пока не удалось обнаружить достаточно убедительных свидетельств родства с какими-либо конкретными языками других частей света. Отдельные высказывания по этим вопросам представляют собой еще весьма шаткие гипотезы. В таком же положении и свидетельства этнографии. Археологические находки древнейших следов человека в Америке обнаружены пока в центре Северной Америки, далеко от возможных областей первоначального появления человека в этой части света, и тоже не дают прямых указаний на пути проникновения первых обитателей американского материка. Заметим, кстати, что самый факт переселения первых людей в Америку из другой части света, невозможность признать Америку хотя бы частью той области, где происходило превращение обезьяны в человека, также устанавливается в первую очередь на основании сопоставления данных антропологии и зоологии.

Не менее важны данные антропологии для разрешения проблемы населения Мадагаскара. В лингвистическом и этнографическом отношении этот остров относится к Индонезии. Встречающиеся на некоторых картах обозначения языков группы банту на западе Мадагаскара представляют собой результат недоразумения. В крайнем случае речь может идти о знании некоторыми обитателями острова языка суахели, являющегося торговым языком на востоке Африки. Культурные элементы африканского происхождения (рогатый скот и др.) также явно относятся к числу поздних заимствований. Археологические исследования находятся в зачаточном состоянии. Можно было бы думать, что Мадагаскар был впервые заселен с востока. Но данные антропологии с полной категоричностью указывают на существование африканских антропологических типов, особенно в западной части острова. Нет сомнения, что, когда археологические данные будут известны больше и лучше, в

¹³ См., напр., О. Н. Бадер, Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья, «Советская этнография», 1951, № 2.

¹⁴ Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», вып. VI, Л., 1940.

¹⁵ М. Е. Фосс, Культурные связи Севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры, «Советская этнография», 1948, № 4.

телей «тунгусского» типа. Между тем в момент переселения якутов на север они, по всем данным, даже уступали тунгусам по численности. Современное соотношение объясняется не массовым характером переселения якутов, а гораздо большим приростом населения в скотоводческих группах по сравнению с охотничьими. Аналогичные явления могли иметь место и в прошлом и оказать существенное влияние на соотношение разных типов в палеантропологических материалах.

Поскольку сходные хозяйственно-культурные типы могут развиваться независимо друг от друга и общность в этих случаях не обуславливается историческими связями, взаимодействием разных групп,— нет оснований предполагать при этой общности близость или особые генетические связи антропологических типов. Не существует, например, специфической антропологической общности ни у охотников на морского зверя от Белого моря до Гренландии, ни у скотоводов евразийских степей, ни у древних земледельцев в долинах больших рек от Янцзы до Нила.

Следовательно, при решении этногенетических проблем классификация по историко-этнографическим областям имеет гораздо большее значение. Очевидно, что сложение антропологических типов определенной территории связано с формированием той общности, которая выступает как историко-этнографическая область. За последние годы была проделана значительная работа по изучению историко-культурных связей народов Сибири. В результате наметилось несколько историко-этнографических областей: западно-сибирская, алтае-саянская, восточно-сибирская, камчатско-чукотская и амурская. Одновременно, но независимо разрабатывалась антропологическая классификация народов Сибири. Выделенные группы типов: уральская, центрально-азиатская, байкальская и арктическая соответствуют (в порядке перечисления) историко-этнографическим областям, последняя, амурская, область характеризуется распространением амуро-сахалинского антропологического типа, не нашедшего места ни в одной из перечисленных групп типов и занимающего обособленное положение. Сходную, повидимому, картину можно наблюдать и в Северной Америке. Хотя американские этнографы недостаточно ясно различают оба упомянутых типа культурной общности и хотя материалы, собранные американскими антропологами, методически весьма несовершенны, можно все-таки заметить, что антропологические типы в общем соответствуют историко-этнографическим областям (но ни в коей мере не группам языковой классификации).

Исходя из этих данных, можно попытаться определить характер тех или иных археологических культур и групп этих культур, хотя палеантропологические материалы еще гораздо более фрагментарны, чем археологические. Можно, например, утверждать, что черты сходства «культур круглых курганов» Британии с «культурой колоколовидных кубков» Центральной Европы объясняются их историко-этнографической общностью, что такой же характер носит «андроновская культура» Казахстана и Минусинской котловины. Можно, наоборот, высказать серьезные сомнения в историко-этнографической общности «культур крашеной керамики» по всей территории их распространения или «скифо-сибирских культур», связи которых если и существовали, то не имели глубокой исторической базы.

Работа в этом направлении только начинается, поэтому, конечно, многие вопросы совершенно еще не разработаны, в особенности вопрос о характере историко-этнографических общностей на разных этапах развития общества и, в связи с этим, вопрос о соотношении антропологических типов с этническими общностями, складывающимися в различные периоды истории человечества. Выяснение этих вопросов является наиболее актуальной задачей разработки методов и приемов использования антропологических материалов для изучения проблем этногенеза.

, , -
 , : , -
 (. . .),
 , ,
 , , , , -
 , -
 , -
 , -
) , : -
 ; , -
) , -
) ; , -
 , , , , -
 , , , -
 , , , , -
 « , , -
 » | 8. ,